

## РОССИЙСКО-ИРАНСКОЕ ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 30–40-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена вопросу российско-иранского военного сотрудничества в период, последовавший за заключением Туркманчайского договора. Данная проблема не исследована в специальной литературе. Основная идея статьи состоит в том, что российско-иранское военное сотрудничество было постоянным и занимало важное место в отношениях Российской империи и каджарского Ирана.

**Ключевые слова:** Туркманчайский договор, российско-иранские отношения, дипломатические отношения, Иран, Каджары, Российская империя, Великобритания, военное сотрудничество, военные специалисты, военная помощь.

Туркманчайский мирный договор 1828 года открыл новый этап в развитии российско-иранских отношений. Каджарская элита осознала бесперспективность продолжения курса на конфронтацию с Российской Империей, ввиду чего с конца 20-х годов (после урегулирования конфликта, возникшего из-за гибели русской миссии в Тегеране) намечается явное сближение Ирана с Россией. Одной из новых форм взаимодействия двух государств становится военное сотрудничество, выразившееся в предоставлении Россией военной помощи Ирану и в координировании военных действий.

Проблема европейского военного присутствия в Каджарском Иране в XIX веке неоднократно попадала в поле зрения исследователей. Однако имеющиеся работы уделяют основное внимание деятельности европейских (в основном французских и британских) миссий и военных инструкторов. Российское военное присутствие в Иране рассматривается только со времени возникновения персидской казачьей бригады, а более ранний период остается за пределами анализа [7; 8; 11; 14; 17; 22]. Таким образом, вопрос о российско-иранском военном взаимодействии в период, последовавший за заключением Туркманчайского договора, является практически неосвещенным. Новейшие работы также оставляют указанный вопрос без внимания [15; 20]. Данная статья, не претендуя на всесторонний анализ этой малоисследованной темы, имеет целью дать краткий обзор наиболее ярких примеров российско-иранского взаимодействия в военной сфере.

Первые попытки наладить военное взаимодействие с Россией были предприняты наследником иранского престола Аббас-мирзой сразу после заключения Туркманчайского мирного договора. Поскольку Россия на тот момент

---

\* © Ларин А.Б., 2009

Ларин Андрей Борисович (d-odin@inbox.ru), кафедра международных отношений Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

находилась в состоянии войны с Турцией, Аббас-мирза предложил российскому командованию вступить в войну на стороне Российской империи. Эта инициатива наследного принца рассматривалась в Петербурге, однако право окончательного решения было передано главноуправляющему на Кавказе графу Паскевичу. Последний счел, что осложнения, вызванные вступлением Ирана в войну с Турцией на стороне России, будут существеннее тех выгод, которые Россия могла бы от этого получить [1, т. 7. с. 663–664; 2, Л. 38–39]. Аббас-мирзе ответили отказом.

Ситуация изменилась в начале 1830-х годов. Стремление распространить свою власть на всю территорию страны и подавить сепаратистские настроения местных правителей привели к активизации восточной политики Каджаров. К этому времени Хорасан лишь номинально входил в Иранское государство. В ходе последней войны с Россией отложился Йезд, а приграничные туркменские правители и владыки Афганистана и ранее не признавали авторитета Каджаров, хотя последние традиционно претендовали на эти области. Для реализации своих замыслов Аббас-мирза предпринимает поход в восточные земли. Одновременно он вступает в переписку с Петербургским двором и с кавказским наместником и просит военную помощь в виде войск, ружей и боеприпасов, а также желает, чтобы император предоставил в его распоряжение опытного офицера. Императорское правительство не оставляет просьбу наследного принца без удовлетворения и направляет в Персию офицера Главного Штаба барона Аша, который сопровождал Аббас-мирзу в ходе его экспедиции в Хорасан [1, т. 7, с. 733–736]. Сложно сказать, насколько успешно выполнил барон Аш возложенную на него миссию. Во всяком случае, рапорты о текущем состоянии дел он отправлял регулярно, предоставляя тем самым российскому правительству ценные сведения [1, т. 7, с. 737–739, 741–746; т. 8, с. 900–904]. И, что немаловажно, уже самим своим присутствием в лагере шаха барон вызывал серьезную обеспокоенность у англичан, обнаруживших, что недавние противники стали соратниками. То, что присутствие барона Аша в лагере вызовет именно такую реакцию британцев, было ясно как Аббас-мирзе, так и российскому правительству. Более того, именно на такую реакцию они и рассчитывали [1, т. 8, с. 900]. Таким образом, миссия барона Аша стала пробным камнем, первым испытанием возможностей осуществления военного сотрудничества России и Ирана, а также тех форм, в которых это сотрудничество могло бы протекать.

С назначением в 1832 году российским полномочным министром в Иране графа И.О. Симонича российско-иранские отношения, в том числе и в военно-политической сфере, выходят на новый уровень. По многочисленным свидетельствам, влияние России на иранские дела в этот период (1832–1838 годы) возросло безмерно, в то время как влияние Англии, напротив, уменьшилось [12; 16, с. 204–205; 23, р. 279; 24, р. 50–53]. Ярый бонапартист, боевой офицер, граф Симонич занимал последовательную антибританскую позицию. Сложность анализа этого периода российско-иранских отношений заключается в тенденциозности всех имеющихся источников. Так или иначе, совершенно очевидно, что Симонич направлялся в Персию не только как дипломатический представитель, но и как военный специалист, вместо отозванного в Россию барона Аша [1, т. 7, с. 737; 3, Л. 76–78 об.]. Симонич

принимал активное участие в борьбе Мохаммад-шаха за престол, оказывая ему дипломатическую поддержку, в результате чего графу удалось сблизиться с новым шахом Ирана. Учитывая тот факт, что амбиции нового шаха и устремления графа Симонича (и, по-видимому, российского правительства) во многом совпадали, посланник России становится неременным участником всех крупных военных операций Мохаммад-шаха в 1830-е годы.

Восточное направление продолжает оставаться приоритетным в политике Мохаммад-шаха. В 1836 году был предпринят поход в туркменские земли, подаваемый как направленный против Герата. Британская сторона обвиняла русского посланника в подстрекательстве шаха к походу [19, р. 6–7, 12–13]. Действительно, Симонич поддержал идею похода 1836 года, во время похода сопровождал Мохаммад-шаха и в целом выражал одобрение его восточной политике [12, с. 101, 117, 119]. Однако наибольшего накала российско-британское противостояние на Среднем Востоке достигло в 1837–1838 годах, во время похода шаха Персии на Герат.

Это был уже второй раз, когда Мохаммад-шах оказался под стенами Герата. Впервые он побывал здесь во время хорасанского похода его отца, Аббас-мирзы. Тогда, в 1833 году, из-за смерти последнего Мохаммад-шах был вынужден отступить [25, р. 270]. Выступив в поход летом 1837 года, шах мог рассчитывать на поддержку русского посланника и не его одного. Весной 1837 года из Петербурга в Тегеран выехал офицер Главного Штаба И.Ф. Бларамберг, направленный в Персию в качестве адъютанта Симонича, а в Афганистан для выполнения важной дипломатической и разведывательной миссии был отправлен поручик И.В. Виткевич [6, с. 84–87]. В 1838 году последовало высочайшее разрешение членам российской миссии в Персии отправиться в лагерь шаха под стенами Герата под предлогом ускорения процедуры выдачи персидским правительством беглых российских солдат [6, с. 105–107; 12, с. 138]. Прибыв в лагерь шаха, Симонич и Бларамберг фактически действуют как военные советники, в то время как Виткевич в Афганистане добивается от владык Кандагара и Кабула заключения военного союза с Ираном под гарантией Российской империи. Симонич соглашается гарантировать союз от лица империи [12, с. 134–138]. Ситуация накаляется до предела. Почти одновременно с российской миссией под стены Герата прибыла британская, во главе с Дж. Макнилом, который тут же попытался склонить шаха к заключению мира и наладил связь с руководившим обороной города британским офицером Элдредом Поттинджером [6, с. 129]. Когда стало понятно, что шах не отступит, британское правительство предъявило Мохаммад-шаху ультиматум, подкрепив свои требования эскадрой из пяти кораблей, вошедших в Персидский залив и захвативших остров Харк [25, Р. 312–313]. Англия разорвала отношения с Ираном. Шах был вынужден отвести войска от Герата. Российское правительство дезавуировало действия Симонича и Виткевича, отказалось признать заключенный договор, однако в ходе последующих сложных переговоров между Британией и Ираном выступило в качестве посредника и добивалось восстановления дипломатических отношений между ними [5, Л. 9–9 об.]. Сложно сказать, в какой степени Симонич в своих действиях руководствовался получаемыми инструкциями, а в какой – собственными представлениями о целях российской политики в Иране.

Но факт появления в Иране Виткевича и Бларамберга достаточно красноречиво свидетельствует о том, что российское правительство не было бы против укрепления позиций дружественной Персии на подступах к Индии.

Конечно, отзыв Виткевича и Симонича, отказ от признания заключенного договора, назначение вместо Симонича весьма умеренного Дюгамеля позволяют говорить о некотором изменении политики России в данном регионе в направлении меньшей конфронтации с Англией. Однако это не означало полного прекращения российско-иранского военного сотрудничества. В 1839 году (то есть еще до восстановления дипломатических отношений Персии с Великобританией) из России в Иран по просьбе правительства шаха были направлены четверо мастеровых из казенных arsenалов во главе с офицером артиллерии поручиком Н.Ф. Масальским. Они должны были помочь шаху и его первому министру Хаджи-мирзе Агаси в обустройстве тегеранского arsenала [4, л. 60]. Впрочем, Масальский с помощниками пробыл в Иране сравнительно недолго. Убедившись в невозможности наладить сколько-нибудь эффективное управление деятельностью arsenала в условиях Каджарской Персии, Масальский возвращается в Россию [6, с. 163–164]. Возможно, именно этот опыт дает понять российскому правительству, что практика направления отдельных военных специалистов в Персию на настоящем этапе малоэффективна ввиду царящего в Персии беспорядка. Происходит изменение политики российских властей в сторону усиления собственно российского военного присутствия в регионе.

В 1840-е годы сотрудничество России и Ирана в военной сфере приобретает новое направление. Северо-восточные провинции Ирана так же, как и восточные области России, страдали от постоянных набегов туркмен, обитающих к востоку от Каспия. Они захватывали иранских и русских крестьян и продавали их в рабство на рынки Хивы и Бухары. Туркмены нападали на рыболовецкие и торговые суда, курсировавшие в акватории Каспийского моря [10, с. 243–246; 13, с. 14, 20]. Борьба с туркменскими набегами была объективной общей целью обоих правительств. Однако в соответствии с Туркманчайским договором, Иран не мог иметь военный флот на Каспийском море [18, с. 221–222], в связи с чем Иранское правительство обратилось к Российскому с просьбой обезопасить восточное и юго-восточное побережье от туркменских набегов [9, с. 306–307; 13, с. 20]. Для обеспечения безопасности региона в 1842 году в юго-восточную часть Каспия были отправлены военные суда под командованием капитана первого ранга графа Путятина [1, т. 9, с. 572–574]. Тогда же, в 1842–1843 годах, на острове Ашур-аде создается Астрабадская морская станция [13, с. 21]. С ее возникновением проблема обеспечения безопасности региона была в целом решена [21, р. 251].

Все вышеизложенное позволяет говорить о том, что сотрудничество в военной сфере между Ираном и Россией в 30–40-е годы XIX века было одной из важнейших составляющих их отношений. Фактически, с начала 1830-х годов это сотрудничество становится постоянным. Тот факт, что российская сторона не направляла в Иран масштабных военных миссий, как Франция и Великобритания, говорит только о том, что правительство империи искало иные формы осуществления военной поддержки державы Каджаров. Позиция России в вопросах военного сотрудничества с Ираном была определя-

ющей. Именно российская сторона решала, в каких размерах и формах оказывать поддержку Ирану в его военных начинаниях, а также направления сотрудничества. Это было связано с объективно более слабой позицией Каджарского Ирана на международной арене по сравнению с Россией и Англией. Не следует забывать, однако, что Каджары имели собственные интересы и не были простыми проводниками влияния России. Скорее дело в том, что интересы России и Ирана в этот период совпадали на большинстве направлений (экспансия на Восток, безопасность границ). В то же время на западе, в турецких делах, Россия предпочитала обходиться без союзника. Наличие объективных совпадающих интересов обусловило интенсивность военного сотрудничества России и Ирана в 30–40-е годы XIX века, а приобретенный опыт дал впоследствии основания для появления такого важного для истории поздних Каджаров явления, как персидская казачья бригада.

#### Библиографический список

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. / ред. А.П. Берге. Тифлис, 1866–1904.
2. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. «СПб. Гл. Архив. I–1». Оп. 781. 1829 г. Дело 69 (док. 21).
3. АВПРИ. Ф. «СПб. Гл. Архив. I–1». Оп. 781. 1832 г. Д. 72 (док. 42).
4. АВПРИ. Ф. 194. «Миссия в Персии». Оп. 528/1, 1809–1913, 1839 г. Д. 2006.
5. АВПРИ. Ф. 194. «Миссия в Персии». Оп. 528/1. 1838–1841 гг. Д. 184.
6. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М., 1978.
7. Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. М., 1923. № 4.
8. Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. (по материалам архивов русской военной миссии). М., 2007.
9. [Мельгунов Г.] О южном берегу Каспийского моря. Приложение к III тому записок Имп. академии наук. № 5. СПб., 1863.
10. Невольники в Хиве // Вестник Европы. 1815 (Апрель). № 7. С. 243–246.
11. Розенблюм И.Р. Персидская армия. С кратким историческим очерком развития вооруженных сил Персии XIX в. Тегеран, 1922.
12. Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра. 1832–1838 гг. М., 1967.
13. Соловкин Н. К 70-летию существования Астрабадской морской станции. СПб., 1914.
14. Стрелянов П.Н. (Калабухов) Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М., 2007.
15. Сухоруков С.А. Иран: между Британией и Россией. От политики до экономики. СПб., 2009.
16. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.
17. Тер-Оганов Н.К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1984.
18. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М., 2005.
19. Correspondence relating to Persia and Affghanistan. Presented to both Houses of Parliament by command of Her Majesty. London, 1839.
20. Cronin S. Building a new army: military reform in Qajar Iran // War and peace in Qajar Persia: implications past and present. New York, 2008. P. 47–87.

21. Holmes W.R. Sketches on the shores of the Caspian, descriptive and pictorial. London, 1845.
22. Kazemzadeh F. The Origin and Early Development of the Persian Cossack Brigade // *American Slavic and East European Review*. (Oct., 1956). V. 15. № 3. P. 351–363.
23. Mohan Lal. Life of the amir Dost Mohammed Khan of Kabul. V. 1. London, 1846.
24. Rawlinson H. England and Russia in the East. London, 1875.
25. Watson R.G. A history of Persia from the beginning of the nineteenth century to the year 1858. London, 1866.

*A.B. Larin\**

### **RUSSIAN-IRANIAN MILITARY COOPERATION IN 30-40S OF THE XIX CENTURY**

The presented article deals with the question of Russian-Iranian military cooperation during the period followed after the conclusion of the Tourkmanchay Treaty. This problem wasn't specially researched in the scientific literature. The main idea of the work is that this cooperation was permanent and took an important place in the relations between Russian Empire and Qajar Iran.

***Key words and phrases:*** Tourkmanchay Treaty, Russo-Iranian relations, diplomatic relations, Iran, Qajars, Russian Empire, Great Britain, military cooperation, military experts, military assistance.

---

\* *Larin Andrey Borisovich* (d-odin@inbox.ru), the Dept. of International Relations, Samara State University, Samara, 443011, Russia.